

- Meillet An.* 1907: Le dieu indo-iranien Mitra // *Journal asiatique*. 10, 143–159.
- Nikolayev S.L., Starostin S.A.* 1994: A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow,
- Piggott St.* 1992: Wagon, Chariot and Carriage. Symbol and Status in the History of Transport. [L.].
- Rau W.* 1972: Töpferei und Tongeschirr im vedischen Indien. Mainz–Wiesbaden.
- Sparreboom M.* 1985: Chariots in the Veda. Leiden.
- Starostin S.* 2000: Comparative-historical Linguistics and Lexicostatistics (with an Appendix by Dmitry Leshchiner) // *Time Depth in Historical Linguistics* / C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask (eds.). 1, 11. Cambr., 223–266.
- Thieme P.* 1938: Ein iranisches Kulturlehnwort in der vedischen Prosa? // *ZDMG*. 92, 47–52.
- Vogelsang W.J.* 1992: The Rise and Organization of the Achaemenid Empire: the Eastern Iranian Evidence. Leiden.

С.В. Куланда

© 2010 г.

Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Vol. I. Ed. by G.R. Tsetskhladze. Leiden–Boston: Brill, 2006 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193). LXXXIII, 564 p., il.

Рецензируемое издание призвано дать современный срез знаний, идей, гипотез, касающихся такого важного феномена истории Древней Греции, как Великая греческая колонизация. Для участия в проекте были приглашены известные ученые из многих стран мира, занимающиеся проблемами колонизации. Охват материала – от Иберийского полуострова на западе до Малой Азии на востоке, от Северной Африки на юге до Черного и Азовского морей на севере. Такого уровня обобщения не было, пожалуй, с момента издания знаменитой и многие годы единственной в своем роде книги Дж. Бордмэна «Греки за морем», выдержавшей, как известно, несколько изданий и переведенной на многие языки¹. Интенсивные археологические раскопки и исторические исследования последних десятилетий сделали необходимым подвести итоги новых подходов и направлений, а также ввести новые материалы и предложить современные интерпретации для изучения греческой колонизации. Это и составляет содержание рецензируемой книги, которая посвящена памяти выдающегося историка греческой колонизации А.Дж. Грэхэма, ушедшего из жизни в 2005 г. В 13 статьях издания рассматриваются проблемы микенской и финикийской колонизации, а также греческой – архаического периода – в масштабах всего Средиземноморья.

Том открывается вступительной статьей его издателя и ответственного редактора Г.Р. Цецхладзе «Пересмотр античной греческой колонизации» (с. XXIII–LXXXIII). Автор предлагает подвергнуть «ревизию» основные понятия греческой колонизации: сам термин, причины колонизации, хронологию ранних колоний, типологию поселений, их урбанизм, отношения греков с местным населением и др. Особый акцент ставится на проблеме идентичности (ethnicity)², как ее понимали эллины эпохи расширения своей цивилизации в пределах Средиземноморья и сопредельных территорий. Приглашая к обсуждению этой проблемы, Г.Р. Цецхладзе напоминает, что, если со времени Геродота вполне можно говорить о процессах осознания греками своего этнического единства (может быть, и этнополитического? – В.К., А.П.), то вопрос о «причастности» к их полисным организациям представителей племен и народов, попавших в сферу их колонизационной активности, решается гораздо сложнее. Актуальным остается, по мнению издателя, и собственно вопрос о взаимодействии греков с местными этносами. Свои рассуждения о вариативности этнической ситуации в зависимости от конкретного региона и об отсутствии каких-либо общих правил в сфере межэтнических контактов он иллюстрирует в каталоге греческих колоний и поселений в Средиземноморье и Черноморье, составленном, заметим, по известной модели Дж. Бордмэна. Каталог включает около 200 колоний, приведены даты их основания и названия их метрополий, отмечены наличие либо отсутствие местного населения на момент прибытия греков.

¹ Boardman 1964.

² Постановка проблемы не нова, но это не лишает ее актуальности (об этом, см. в частности, Капогресси Колоньези 2009, 33, 37).

Поставленные в Введении вопросы были в центре внимания авторского коллектива. Статья «Эмпорий. К вопросу об использовании и значении понятия в архаический и классический периоды» (с. 1–39), задуманная как сугубо теоретическая, написана известным датским исследователем М.Х. Хансеном³. Цель автора – дать определение эмпорию как феномену и показать его разновидности, сформировавшиеся в эпоху архаики и, в меньшей мере, классики и зафиксированные письменными источниками⁴. Отметим, что опорными для него стали давно считающиеся классическими работы К. Поланьи и А. Брессона, в которых систематизирован весьма обширный источниковый материал об эмпориях (*trading posts* и *ports-of-trade*) греков в их множестве и разнообразии⁵.

М. Хансен, как и прежде, выделяет в качестве основной следующую характеристику эмпория: его община (*community*), в отличие от полиса, не являлась собственником земли, на которой жила, и, следовательно, по своей организации не могла быть автономной гражданской единицей. Хрестоматийным примером служит афинский Пирей – городской торговый порт и составная часть полиса⁶. Хотя эмпории подобного рода располагались и в пределах полисов колониального типа, как указывает исследователь, но его основное внимание привлекают те, которые, в отличие от Пирея, либо выходили за границы полисной территории, либо вообще не являлись частью какой-либо полисной структуры. В большинстве случаев они безымянны, находились в чужеземных странах и относятся к архаической эпохе, хотя возникали и в гораздо более поздние времена. М. Хансен выделяет такие их разновидности, как, во-первых, полис и эмпорий типа Тартесса, Фанагории, Борисфена и, во-вторых, торговый пункт (*trading post*) с его общиной, подвластной какому-либо правителю⁷. Эталонным автор считает каталонский эмпорий VII в. до н.э., который двумя столетиями позже дал жизнь Эмпориону. Его гражданская община не обладала автономией, она была зависимой сначала от массалиотов, а впоследствии от римлян. Близким аналогом ему М. Хансен называет египетский Навкратис, который с V в. до н.э. приобрел статус полиса с правом проксении и в котором обитали, наряду с гражданами-политами из числа членов Панионийского двенадцатиградья (сооснователей Навкратиса), постоянно проживавшие иноземцы и эмпоры – «не-резиденты». Исследователь специально подчеркивает, что Навкратис, будучи полисом, не был тем не менее автономным, так как им управлял египетский фараон.

Соглашаясь с авторской интерпретацией феномена Навкратиса, мы хотели бы заметить, что испанский Эмпорион вряд ли аналогичен ему. Он возник на никем не заселенной и никому не подконтрольной земле, а инициаторами его создания были фокейцы, еще в VII в. до н.э. проявившие торговый интерес к двум наиболее привлекательным с геополитической и геоэкономической точки зрения пунктам Галльского (Лионского) залива и открывшие там свои эмпории (Массалию и Эмпорион). Иное дело, что после нашествия персов на их метрополию (540-е годы до н.э.) они предпочли обустраиваться в Массалии своим собственным полисом, и вполне возможно, что на некоторое время им удалось взять под свой контроль Эмпорион. Однако он уже в V в. до н.э. наладил автономный чекан монеты, гончарное и иные производства, организовал свой порт и рынок при нем, создал свое управление, возвел ряд административных зданий и вообще приобрел признаки города и самостоятельного полиса торгового типа или, по терминологии Хансена, «полиса и эмпория».

Позже в городе появились гимнасий, священный участок, сложились устойчивые контакты с Родой, Агатой (Агдой) и т.д., что можно интерпретировать как преобразование Эмпориона в полис в том смысле слова (гражданская община плюс политическая организация, или государство), в каком этот термин использует Аристотель, специально занимавшийся изучением греческого полиса как

³ Укажем вслед за автором, что первый вариант статьи был опубликован: см. Hansen 1997, 83–105.

⁴ Мы не будем подробно рассматривать ту полемику, в которую вступил с М. Хансеном известный итальянский историк римского права Л. Капогросси Колоньези по поводу дефиниции и сущности города-государства (с опорой на римский вариант, но с обращениями и к греческому полису) как явления античной истории (Капогросси Колоньези 2009, 27–41), поскольку эта полемика нуждается в продолжении и свое слово в ней должны сказать исследователи греческого полиса или, как говорит Л. Капогросси Колоньези в заключении к статье: «...оставим эту терминологию ученых Нового времени для истории Греции, а для Рима будем говорить скорее о *civitas*, *res publica*, гражданской общине, политической общине» (с. 41). Поскольку о терминах принято договариваться, с чем, кстати, согласны и М. Хансен, и Л. Капогросси Колоньези (2009, 34), то продолжим пользоваться традиционными дефинициями греческого полиса, а также эмпория и их разновидностей, по мере необходимости оговаривая их смысловые нюансы.

⁵ Polanyi 1998, 30–45; Bresson 1993, 163–226.

⁶ Ср. Bresson 1993, 164–165.

⁷ Ср. *ibid.* 223–225.

феномена. В качестве такового Эмпорион благополучно вошел в римский период своей истории. Отдельно отметим, что до статуса апойкии, т.е. полиса с аграрной хорой (страной, размежеванной и заселенной эмпоритами), он «не дорос», хотя в 1980–90-х годах испанские археологи и пытались отыскать следы межевания его прямой округи.

Исследование «Микенская экспансия» (с. 41–113) представил бельгийский археолог и филолог Ж. Ваншонвинкель⁸. Автор начинает с напоминания о сложностях в интерпретации источников, состоящих в том, что археология показывает распространение в XVI–XI вв. до н.э. предметов микенского происхождения практически по всему Средиземноморью, а в микенских документах, созданных на линейном B, отсутствуют свидетельства даже для постановки вопроса о торгово-колониционной деятельности микенцев, что естественно ввиду хозяйственного в основном характера дошедших до нас текстов. В такой ситуации исследователь принимает решение посвятить центральную часть работы проблеме каталогизации микенского археологического материала древнейшего периода, постоянно возрастающего в количественном отношении, который при условии комплексного подхода способен сыграть свою роль в решении вопроса. Этот материал, представленный керамикой Киклад, Леванта, Анатолии, Египта, с одной стороны, и Италии, Сицилии, Сардинии, Мальты, Испании, с другой, подается автором не просто в виде карт, но и с «прикреплением» к ним соответствующих данных легендарной и мифологической традиции. Этот метод картографирования как бы приглашает к интенсификации усилий в поиске ответа на вопрос об истинных масштабах деятельности микенских талассократов.

На первый взгляд, пишет Ж. Ваншонвинкель, может показаться, что микенская керамика была широко распространена в Средиземноморье, однако картографирование показывает, что нередко речь идет об единичных экземплярах, составляющих к тому же ничтожный процент от числа местных изделий. Автор справедливо замечает также, что часть керамики могла производиться на месте в подражание микенским прототипам. В результате он склоняется к выводу (заметим, остающемуся дискуссионным) о том, что широкое распространение микенских предметов – следствие не столько колонизации, сколько участие микенцев в международной средиземноморской торговле.

Далее Ж. Ваншонвинкель специально останавливается на вопросе о греческой миграции в Анатолию эпохи «темных веков» в статье «Греческая миграция в Эгейскую Анатолию в начале темных веков» (с. 115–141). Наибольшее внимание в этой части работы привлекает развернутая таблица – список греческих городов, составленный на основе соотношения литературных данных об основателях этих городов и ранних археологических свидетельств их существования. Из данных таблицы следует, что между микенскими поселениями в Малой Азии и более поздней греческой миграцией в этот регион существует хронологический зазор, показывающий, как пишет автор, отсутствие континуитета в развитии этих поселений. Вывод, как видим, не нов, однако база, на которой он предложен, стала гораздо более основательной.

Далее следуют работы видных археологов – Д. Риджуэя и Г. Нимайера, посвященные древнейшему этапу деятельности мореходов Восточного Средиземноморья в его западной акватории. Авторы, основываясь на археологическом материале, который они подробно классифицируют и типологизируют, сумели создать исследования сугубо теоретического характера.

Интересно, что Д. Риджуэй в работе «Ранний греческий импорт в Сардинии» (с. 239–252) выступает во многом в новой для себя роли противника эллиоцентризма и, конкретнее говоря, панэвбеизма. Он исходит из следующей схемы ранней греческой деятельности в Западном Средиземноморье: она осуществлялась на основе взаимодействия эвбейцев и финикийцев, а их предшественниками здесь были микенцы, киприоты, родосцы. Автор указывает, что расстояния стирали этнические различия, поэтому порой трудно атрибутировать находки. На таком фоне он обращается к вопросу о месте Сардинии в греческой колонизации. Хотя в раннеархаическое время на острове не было каких-либо греческих поселений, а местное общество «было организовано по-финикийски», тем не менее начиная с микенской эпохи в его южной части (вплоть до залива Ористано) фиксируется микенская керамика⁹. Ее хронология, отмечает автор, совпадает с эпохой дворцовой цивилизации Микен, господство которых на морях достигает в Западном Средиземноморье Пиренейского полуострова. Из других артефактов Д. Риджуэй выделяет серию кипрских бронзетти, миниатюрные микенские гребни и около 70 изделий из фаянса и стекла различных центров Эгеиды 1500–1300-х годов до н.э.

С другой стороны, начиная с этого же времени в Микены через их порт Коммос поступает импорт из Сардинии – сосуды типа *impasto vessels* с изображениями кораблей, перевозчиков железного лома. В XII–XI вв. сарды – регулярные участники торговли на столь дальние расстояния, а их аристократия

⁸ См. рец. А.А. Молчанова на работу Ж. Ваншонвинкеля 1991 г.: Молчанов 1997, 217–221.

⁹ Ее *catalogue raisonné* составлен в 1998 г. (см. Re 1998, 288–290). Отметим, что Д. Риджуэй использует археологические материалы и из работы Ж. Ваншонвинкеля (см. рец. кн.).

с ее утонченными вкусами и изощренными запросами все более нуждается в экзотических, дорогостоящих товарах из Тиррении, Кампании, Коринфа, Эвбеи и связанных с ними средиземноморских центров. В X–IX вв., как считает исследователь, сарды пользовались международным «оловянным» путем: Эгеида – Кипр – Сицилия – Лаций – Тоскана – Сардиния – Испания – атлантическое побережье Португалии – Британия и Ирландия, одинаково хорошо известным как финикийцам, так и микенцам и впоследствии эвбейцам. Итак, резюмирует Д. Риджуэй, в греческом освоении Средиземноморья сарды сыграли немалую роль (с. 250).

Г. Нимайер, один из ведущих специалистов в области археологии финикийских поселений Западного Средиземноморья, представил работу «Финикийцы в Средиземноморье. Между экспансией и колонизацией: негреческая модель заморских поселений и присутствия» (с. 143–168). Это синтез его многочисленных исследований 1990–2000-х годов, всегда строящихся на прочной археологической основе. Свою цель он видит в создании модели финикийского освоения средиземноморского Запада и ее сравнении с колонизационной моделью архаических греков. Заявленный в Введении тезис о двухступенчатом освоении финикийцами Западного Средиземноморья (XI–X вв. до н.э. – эпоха торговых плаваний, а с начала IX в. – экспансия) заранее ориентирует читателя на вывод о существенном отличии финикийской деятельности от греческой. Автор – известный сторонник теории панфиникизма – усиливает свой тезис заявлением о том, что именно экспансия финикийцев в Средиземноморье послужила «стартом европейской истории», способствовавшим распространению городской цивилизации и многочисленных технологических инноваций (с. 147–148).

Колонизационная модель финикийцев зарождается в конце эпохи «темных веков», когда они вступают во взаимодействие с греческими центрами – Эретрией, Самосом и др. Механизмом взаимодействия являлся энойкизм – вселение в обитаемые, обжитые местные центры или обоснование в их пригородах, возведение собственных святилищ и, таким образом, обустройство на постоянное место жительства в прямом соседстве с местным населением. Финикийские энойки – это торговцы, старатели, ремесленники, названные, кстати говоря, еще У. Каликэном «the first merchant venturers»¹⁰. Связи между энойкиями поддерживались посредством торговых центров, также устроенных по принципу вселения финикийских торговцев в небольшие местные сообщества, обитавшие, в свою очередь, при каком-либо рынке, торжище или производственно-ремесленном центре.

Так в IX–VIII вв. до н.э. оформляется финикийская койне, западные границы которой со временем вышли за пределы Гибралтара и которую Г. Нимайер условно называет «колониальной империей финикийцев». Ведущий тип социального и политического устройства финикийских сообществ – города-государства (city-states) и дворцовые общества (palace societies). Главы дворцовых комплексов, монархи, были ответственны, помимо прочего, за подготовку и отправку торговых экспедиций, за создание и обеспечение механизма функционирования торговых центров своих и иноземных эмпоров и торговых факторий своих энойков. Имелся штат эмиссаров, агентов, функционеров, а также профессиональных ремесленников. В VIII в. до н.э. оформляется торговая аристократия, создающая, подобно угаритской, свои вполне автономные корпорации.

Оценивая значение экспансионистской деятельности финикийцев, Г. Нимайер отмечает, что она привела к возникновению ориентализирующих цивилизаций регионального масштаба в Этрурии, на Сицилии, в Тартессиде и, что следует указать особо, нарушила сложившийся между финикийцами и греками-эвбейцами баланс сил в сфере эмпориально-колонизационной деятельности в Средиземноморье.

Статья Э. Греко носит название «Греческая колонизация в Южной Италии: методологический очерк» (с. 169–200). Автор, имеющий огромный опыт в области археологического исследования западногреческих полисов Центрального Средиземноморья, высказывает ряд соображений по вопросам греческой колонизации Южной Италии, важных с методологической точки зрения. Однако до недавнего времени они оставались на уровне риторических, либо – в лучшем случае – решавшихся в общих чертах, без учета конкретно-исторических факторов. К их числу Э. Греко относит особенности греческой колонизации Центрального Средиземноморья, этнический состав древнейших экспедиций, взаимодействие колонистов с туземцами, его механизм и значение в истории греческого полисного мира, с одной стороны, и туземного, с другой.

На первый план в статье выдвигается вопрос о понятиях «колония» и «колонизация». Э. Греко вполне справедливо указывает, что употребление этих понятий, относящихся, строго говоря, к лексикону римлян, применительно к соответствующей греческой деятельности ведет к приданию ей «духа тех импульсов», которые исходили от римлян в процессе их колонизации и которые в греческом мире, в лучшем случае, едва лишь зарождались. Автор считает предпочтительным использование вместо термина «колония» греческого понятия «апокия» и ее центральносредиземноморскую особенность

¹⁰ Culican 1966, *passim*.

видит в наличии смешанной общины, состоявшей из греков и туземцев и пополнявшейся выходцами из смешанных семей. Апойкия изначально и прямым образом занимается освоением земель и открытием новых торговых путей. Поэтому в тех случаях, когда ее возникновению предшествует эмпорий, он быстро обретает основные признаки полиса.

Итак, новаторство Э. Греко в этом теоретически актуальном вопросе состоит в указании на меньшую роль собственно торгового компонента в греческой колонизации, которому по традиции, сложившейся с середины XX в. и особенно активно развиваемой с рубежа XX–XXI вв.¹¹, отводится приоритетное место. Ориентация на плодотворное партнерство с туземными элитами обеспечила ускоренное формирование городских обществ – как собственно греческих, так и туземных и смешанных – и их раннюю институционализацию. V век до н.э. – это эпоха расцвета деятельности греков в Южной Италии, а ее пик связан с образованием крупной федерации, объединившей 25 греческих полисов и местных центров городского типа и организовавшей чекан собственной монеты по восточногреческому стандарту. Важной авторской ремаркой можно считать указание на то, что в рамках единого «политического пространства» имела хождение и другая монета, чеканившаяся по «тирренской модели и номиналу» (с. 196). Это замечание есть своего рода тезис, подлежащий отдельному рассмотрению, поскольку мы видим, что туземный компонент федеративного образования придавал ему особую окраску и наполнял его деятельность особым динамизмом.

В целом, работа Э. Греко содержит много ценных наблюдений, пробуждает интерес к новым подходам в изучении феномена греческой колонизации и его конкретных проявлений в эпоху архаики. Предлагая читателю свое очередное исследование по истории греческой колонизации Южной Италии, автор рассматривает его как приглашение к дискуссии по вопросам методологии «колониационной тематики». Бесспорным достоинством работы является скрупулезное внимание к вопросам возникновения и периодизации как западногреческих, так и туземных и смешанных городских структур полисного типа. Автора отличает первоклассное знание археологии исследуемого региона и историографии темы. В статье имеется богатый иллюстративный материал, в том числе топографические планы архаических греческих полисов и некрополей Южной Италии и их варианты классического периода.

Б. д'Агостино, известный и авторитетный итальянский исследователь-археолог эпохи греческой колонизации в Италии и на Сицилии, в своей статье «Первые греки в Италии» (с. 201–237) ставит следующий вопрос: «Кто из греков ранее других проявил интерес к Италии»? В своей работе автор исходит из идеи (получившей, кстати, при его прямом творческом участии «статус», традиционный в современной науке) о том, что это были эвбейцы и, в частности, халкидяне. С середины VIII в. до н.э. их керамика распространяется в прибрежных поселениях Адриатики, Тирренского и Лигурийского морей¹². Своим знакомством с этими землями халкидяне были обязаны финикийцам, а также греческим энкам Аль-Мины¹³, в некрополе которой с середины VIII столетия наблюдается «приток» изделий из различных центров тирренского побережья Италии.

Б. д'Агостино особо исследует демографическую ситуацию в зоне интересов эвбейцев – как накануне их прибытия, так и во время их последующей деятельности¹⁴. Ее ведущие характеристики для эпохи, предшествующей появлению греков, по мнению автора, следующие: 1) процессы урбанизации, наличие городов (типа Вей, Цэре, Вульчи, Популонии) с акрополями, священными участками и с землей, размежеванной по закону частной собственности; 2) существование политического союза¹⁵, сформировавшегося по принципу синойкизма по инициативе и во главе с этрусками, с постепенно нараставшим влиянием Рима; 3) хозяйственно-экономическая самодостаточность обществ-членов союза, с одной стороны, и восполнение дефицита посредством контактов с финикийцами, с другой, предопределившие избрание эвбейцами варианта «судовой торговли» с приглашением покупателей непосредственно на свои корабли. При всей солидарности в этом вопросе со своим постоянным коллегой Э. Греко, Б. д'Агостино тем не менее не столь категоричен, резонно добавляя, что выбор модели по принципу «судовой» или «эмпориальной» торговли «зависел от конкретных условий общества и региона», а реализацию второй из них он, кстати говоря, уверенно отождествляет с Вейями

¹¹ Свидетельства такого подхода содержатся и в рецензируемом издании, о чем подробнее будет сказано ниже.

¹² Деятельность микенцев сознательно выведена автором за рамки данной статьи (см. с. 201).

¹³ Эта точка зрения принадлежит, как известно, Дж. Колдструму, на работы которого и ссылается автор (в частности, см. Coldstream 1988, 35–44; 1998, 353–360 и др.)

¹⁴ Отметим, что такой системный подход к проблеме пока что не вполне утвердился в современной историографии, обычно демографическая ситуация анализируется по принципу «накануне» и «в результате».

¹⁵ Его состав и география нашли отражение на карте, составленной автором (см. с. 205 рец. кн.).

(с. 215). Другая важная особенность демографической ситуации – это не прямая ориентализация местных норм и обычаев, а опосредованная сотрудничеством туземных обществ с ранее ориентализированными эвбейцами и коринфянами.

Заключает исследование особо любимая Б. д'Агостино тема – возникновение и развитие Питекусс и Кум. Автор – последовательный сторонник тезиса о том, что оба западногреческих центра были апойкиями, с городской индустриальной частью и аграрной округой, хотя первый из них возникает как эмпорий, а второй, двумя десятилетиями позже, – непосредственно как полис с культом ойкиста и посвященным ему герооном. Эвбейский этнический компонент однозначно присутствует в обеих общинах, однако в Питекуссах автор отождествляет его с халкидским, а в Кумах (как и К. Берар)¹⁶, также и с эретрийским.

Думается, что в вопросе об истоках Питекусс Б. д'Агостино следовало бы усилить внимание к анализу связей первооснователей Питекусс с Аль-Миной. Если учесть, что ориентализирующий стиль питекуссанской керамики напоминает более северосирийский, нежели собственно эвбейский или/и коринфский, то возможно, что торговая деятельность эвбейцев включала и посреднические функции. Итак, эвбейцы играли не только роль связующего звена между Этрурией, Южной Италией, Сицилией и ионийским миром Балкан, островов Эгеиды и Аль-Миной, но и способствовали, наряду с финикийцами, формированию полномасштабной торговли по линии восток–запад–восток.

Статью Б. д'Агостино сопровождает разнообразный иллюстративный материал, а именно: топографические планы греческих поселений Италии, финикийских и местных центров, партнерствовавших с греками в эпоху архаики; археологические карты и фотографии новообнаруженных артефактов; планы и реконструкции архитектурных объектов. Автор отмечал, что к началу XXI в. на прибрежных территориях Италии выявлено около 40 иноземных и более 50 туземных торгово-экономических центров.

В целом, работы Э. Греко и Б. д'Агостино написаны – с теоретической точки зрения – в едином ключе, и первый из авторов широко использует источниковый материал своего коллеги.

Статья А.Х. Домингеса «Греки на Сицилии» (с. 253–358) посвящена греческой колонизации на Сицилии¹⁷. Автор ее – известный испанский специалист по истории греков на Иберийском полуострове, с 1970–1980-х годов он занимается также колонизацией эллинами Сицилии¹⁸. В вводной части главы он характеризует эвбейскую колонизацию как исключительно торговую, а в качестве примеров приводит древнейшее в Западном Средиземноморье поселение греков в Питекуссах, сицилийский Наксос, а также Катану и Леонтины – халкидские полисы, основанные в ходе наксосской субколонизации с торговыми задачами.

С таким подходом, в целом, трудно не согласиться. Однако точка зрения автора о всеобъемлющем торговом характере эвбейской колонизации Центрального Средиземноморья, вероятнее всего, обусловлена его представлениями об эвбейцах в Испании, где были иные условия и где греческие поселения действительно являлись эмпориями¹⁹. Что касается Сицилии, то здесь, на острове Де-метры, следует учитывать серьезное влияние аграрного аспекта. Поселению в Леонтинах даже пришлось выдержать борьбу за этническую гомогенность с мегарянами, о чем могут свидетельствовать представляющиеся вполне аутентичными сведения Полиена. Такая борьба характерна именно для аграрных поселений, когда каждый чужак рассматривается как претендент на часть земельного фонда, явно ограниченного в первые годы существования поселения. И, наоборот, для поселения, основанного прежде всего с торговыми целями, совместное проживание с представителями местного варварского населения даже выгодно, поскольку облегчает как установление торговых контактов с ним, так и последующий контроль над соответствующими торговыми путями.

При рассмотрении ранних дорийских колоний А.Х. Домингес уделяет особое внимание второму по времени эллинскому поселению на Сицилии – Сиракузам, основанным в 733 г. выходцами из Коринфа. Автор видит главное отличие коринфской колонизации от эвбейской в том, что она являлась результатом заранее и хорошо спланированных действий. Сиракузская экспансия в глубь острова началась позже эвбейской, что, по мнению автора, было связано с внутренними обстоятельствами жизни полиса: с начала VII в. наблюдаются увеличение численности населения и ускоренный рост его благосостояния, и именно в это время полис расширяет свою территорию за пределами острова Ортигии. Однако авторское объяснение этого феномена не выходит за рамки традиционной точки

¹⁶ См. Berard 1970.

¹⁷ Изложение и оценка концепции А. Домингеса в данной главе принадлежат М.Ф. Высокому, занимающемуся сицилийской проблематикой (см. Высокий 2004).

¹⁸ В частности, см. Domínguez Monedero 1989.

¹⁹ См. подробнее об этом ниже, в разборе главы А. Домингеса о греческой колонизации Иберийского полуострова.

зрения, не учитывающей, как сказано выше, возможность роста доходов сиракузян от использования сельскохозяйственных ресурсов.

В завершение исследования А. Домингес представил два очерка, углубляющих понимание основной темы, – «Политическая структура греческих городов» и «Греческие города Сицилии и местное население». Согласно предложенной им схеме политического развития колониальных полисов региона, первые колонисты образовали «правящие круги» землевладельцев, а последующие поселенцы (на первых порах) интегрировались в этот узкий круг. В дальнейшем сицилийские полисы восприняли традиционную для остальной Греции политическую модель – аристократический режим, и сутью политической истории сицилийских полисов периода архаики стала конкуренция между родами/семьями, контролировавшими политическую и судебную власть.

Что касается проблемы взаимоотношений эллинов с негреческим населением острова (прежде всего с сиканами и сиканами), то А. Домингес подчеркивает, что процесс проникновения греков в глубь острова был длителен и состоял из нескольких этапов. Первый этап характеризуется вытеснением аборигенов из районов, к которым греки проявляли интерес. С ростом аграрной экономики и быстрым включением в средиземноморскую торговлю внутренние районы острова стали для греков важными источниками сырья и рынками сбыта. Заключительный этап определяется «империалистической» политикой, которую начал проводить тиран Гелы Гиппократ. Разделяя в главном предложенную периодизацию, отметим лишь, что подобная завоевательная политика была характерна и для более ранней эпохи, и это наиболее рельефно видно на примере деятельности Фаларида, тирана Акраганта, подчинившего во второй четверти VI в. силой оружия значительные территории сиканов в долинах рек Акрагант и Гимера.

Исследования Ж.-П. Мореля и А.Х. Домингеса о фокейской деятельности в Западном Средиземноморье отмечены попыткой определения ее характера по принципу: колонизация или эмпорий? Первый из авторов, следуя историографической традиции (заметим, что к ее созданию он имеет непосредственное отношение), оперирует понятием «колонизация», а второй проявляет осторожность и во вводной части своей статьи особо подчеркивает, что отдает предпочтение более нейтральному термину «presence», а не «colonisation», чтобы в ходе исследования определить характер этого присутствия.

Ж.-П. Морель, посвятивший, как известно, большую часть своей многолетней научной деятельности археологическому изучению фокейского пребывания в Центральном и Западном Средиземноморье, в статье «Фокейская колонизация» (с. 359–428) подводит своего рода ее итоги. Фокейцы оказались на Западе не волей случая, отмечает автор, а вполне осознанно, устремившись туда за несколько поколений до нашествия персов на их родину. Его концепция характеризуется следующими аспектами.

1. Начальная фаза (до 540-х годов до н.э.) принесла им триумф: они открыли большое количество торговых пунктов, как прибрежных (Массалия, Эмпорион, Элея, Алалия и др.), так и в отдалении от побережья на землях Галлии и Иберии. Основной вектор их деятельности этой эпохи – эмпорийная торговля. Будучи колониальной, она строилась на неравноправных отношениях с туземцами.

2. После серьезных поражений 540-х годов фокейцы прочно врастают в туземный мир, стремясь отныне не только к торгово-посреднической деятельности, но и к прямой эксплуатации земли и ее недр. Результатом явилось оформление их взаимоотношений с местным населением в систему такой зависимости, которая строилась на основе *precarium*. Массалия, Элея, Эмпорион приобретают полную структуру и весьма содействуют интеграционным процессам.

Тем не менее конечный результат, как считает Ж.-П. Морель, – это не эллинизация или деваваризация, не аккультурация в полном смысле этого понятия, а «аккультурирующее присвоение» (*acculturating appropriation* – с. 410). Галлы и иберы продолжали жить по своей «варварской модели» (за исключением прямых соседей немногочисленных греческих центров), а разговоры современных ученых о Массалиотиде – это лишь дань массалиотской пропаганде. Рим с легкостью установил с Массалией отношения дружбы, дал ей статус свободного города, а на некогда подконтрольные ей территории Италии, Галлии и Иберии принес свою экономику, культуру и язык. После христианизации этих земель (II–III вв. н.э.) историческая память о метрополии Фокее полностью изжила себя – со всей однозначностью заключает автор (с. 416).

Испанский коллега Ж.-П. Мореля по фокейским штудиям А.Х. Домингес предлагает свою модель деятельности фокейцев в работе «Греки на Пиренейском полуострове». Прибыв позже финикийцев и не будучи столь многочисленными, как они, фокейцы, крайне заинтересованные в природных ресурсах полуострова, избрали политику сотрудничества с местными элитами. Начало такого сотрудничества прослеживается в тех эмпориях, которые издревле функционировали как открытые порты и патронировались местными правителями, такими, как тартессийский царь Аргантоний. Это Тартесс, Уэльва, Малага. Самый яркий символ греческой деятельности на Пиренейском полуострове – это

Эмпорион, с течением времени развившийся в полис с большой торговой округой и с собственной монетой. В VI в. до н.э. интенсификация контактов с туземцами открыла грекам возможность основания собственных эмпориев, во-первых, на пустующих землях и одновременно, во-вторых, поблизости от дорог, связывавших региональные рынки с местами добычи руд и драгоценных металлов. Так складывается, как и раньше по этому поводу писал А. Домингес²⁰, «капиллярная система» внутренних эмпориев, которая была нелепица без тесного и продолжительного взаимодействия греков и местных этносов. Автор объясняет существование греко-иберийского искусства (скульптура, письмо, религиозные культы)²¹ не столько на морском побережье Испании, сколько в ее материковых зонах страны. Эмпорион и Рода – исключения из правила, только подтверждающие его.

Поскольку выше мы высказали свои соображения о модели Ж.-П. Мореля, то хотели бы, солидаризируясь в целом с А.Х. Домингесом, тем не менее конкретизировать предложенную им парадигму. Действительно, именно она проявила себя в галльском регионе с его крупным «капиллярным узлом» в Агате, пропускаящим через свой рынок прибывавшую из Массалии торговую продукцию, рассчитанную на ее потребление местными элитами в обмен на сырье, и связанные с ее производством технологии. В долине Эбро фokeйцы организовали свою торговлю по принципу действия узкого сосуда-капилляра (или «ствола»). Его «устьем» являлся Эмпорион, а передаточными звеньями были, во-первых, туземные поселения с речными эмпориями и, как правило, со смешанными общинами (например, Агата и подобный ей иберийский Ульястрет) и, во-вторых, множество небольших местных торжищ придорожного типа. Узловыми элементами других каналов-«стволов» можно считать Ла Пиколу и более южные пункты Испании (типа Эль Кампелью) со специально отведенными для греков кварталами, которые были связаны в свою очередь с местными торжищами сырьевых регионов.

Таким образом, на Пиренейском полуострове можно выделить три, а не два, как это предложено А. Домингесом, типа эмпориев: 1) собственно приморские, основанные греками с разрешения местных элит и функционировавшие под контролем местных правителей; 2) речные – местные, но имевшие либо греческий квартал, либо смешанную общину и игравшие роль региональных рынков; 3) локальные по своему уровню торжища, пути от которых, подобно многочисленным лучам, сходились в эмпориях второго типа, обслуживая потребности в сырье всех тех торговцев (туземных и иноземных), которые их посещали. Приморские эмпории были, в первую очередь, портами прибытия-отправления и первичной дистрибуции импорта-экспорта.

Статья патриарха исследований Великой греческой колонизации, английского историка и археолога Дж. Бордмэна «Греки в Восточном Средиземноморье (Южная Анатолия, Сирия, Финикия и Египет)» (с. 507–534)²² посвящена проблеме колонизационной деятельности греков на Востоке. Исходную позицию автора можно сформулировать так: поскольку греки прибывали на территорию, хорошо освоенную местными обществами и их правителями, речь может идти не столько о колонизации в классическом смысле этого слова, сколько об «энойкизме» – поселении греков в рамках местных территориальных образований. Важным фактором их появления оказывались интересы местного населения и прежде всего правителей, а не их собственные. В таком контексте становится понятным внимание Дж. Бордмэна к обстановке, сложившейся в этом регионе к началу 700-х годов до н.э. и характеризовавшейся особой ролью Аль-Мины.

Легко выделяя греческую керамику из общего фонда находок, Дж. Бордмэн выстраивает таблицу соотношения местной и греческой керамической продукции из Аль-Мины и других крупных центров региона. Для иллюстрации значения этой таблицы вычленим из нее лишь две группы греческой посуды геометрического стиля, которых достаточно, чтобы увидеть, как варьируется во времени ее количество: от 1500 в Аль-Мине до 14 фрагментов в Телль-Сукасе²³. Период, начавшийся после 700-х годов, автор, как и прежде, считает рубежным. В это время параллельно с уменьшением роли Эвбеи в торговых контактах греческого мира с восточным наблюдается рост греческого керамического импорта малоазийского происхождения. Греки могли в это время жить в более южных, чем Аль-Мина, поселениях, например в Телль-Сукасе, где, как напоминает Дж. Бордмэн, найдено немало признаков греческого (особенно родосского) присутствия. Этот город, как и Аль-Мина, имел

²⁰ Домингес 2005, 88–106 (конкретно см. с. 104).

²¹ А. Домингес даже называет его «провинциальным греческим искусством» (см. с. 449 рец. кн.).

²² Отметим, что данная статья во многом воспроизводит основные тезисы соответствующего раздела «главной» книги Дж. Бордмэна (Boardman 1964), сохраненные в ее переизданиях, хотя и строится с привлечением самой современной археологии. Это позволяет быть краткими в ее оценке.

²³ Относительно других регионов Восточного Средиземноморья Дж. Бордмэн ограничивается своего рода емкой «выжимкой» из соответствующих глав своей знаменитой монографии.

большое торговое и стратегическое значение; античная традиция даже фиксирует присутствие здесь греческих наемников.

Небольшая заметка «Аль-Мина и Сабуния в дельте Оронта» (с. 535–543) написана турецкой исследовательницей Х. Памир и посвящена результатам археологических раскопок в дельте Оронта, проводимых с 1999 г. в рамках совместного проекта Восточного института Чикагского университета и университета им. Мустафы Кемаля в Антакии²⁴. Х. Памир подводит итоги изучения рельефа дельты Оронта, выявляет местоположение Аль-Мины и Сабунии, отмечает их топографические и природные особенности. Основным итогом можно считать уточнение площади Аль-Мины, которая была большей по площади, чем это принято считать, и включала порт на Оронте, существовавший непрерывно от эпохи бронзы до исламского времени. Это Сабуния, открытая в 1930-х годах Л. Вулли и затем никогда не исследовавшаяся.

В заключение отметим, что рецензируемая книга представляет собой ценное пособие для каждого занимающегося проблемами Великой греческой колонизации и историей Древней Греции в целом. Историк получал в свое распоряжение серьезное, многоаспектное изложение современного состояния проблемы, которое создано ведущими специалистами в этой сфере знания и охватывает богатый археологический материал, в том числе впервые введенный в научный оборот, но уже известный авторам, его первооткрывателям. Археологические данные рассматриваются в тесной связи со свидетельствами из нарративных источников, при этом не только греческих, но и местных (например, сицилийских и массалиотских). Том сопровождается обстоятельным научно-техническим и справочным материалом – системой примечаний, таблицами, диаграммами, схемами, фотографиями и т.д., и в этом видятся дополнительные возможности для продолжения исследовательской работы по изучению греческой деятельности в Средиземноморье. Необходимость в ней очевидна: ответ на вопрос «колонизация» или «торговля», поставленный в качестве основного в рецензируемом издании и обретающий все более устойчивую источниковую базу, оказывается в итоге не столь однозначным и не решаемым по принципу альтернативы.

Литература

- Высокий М.Ф.* 2004: История Сицилии в архаическую эпоху. СПб.
- Домингес А.* 2005: Греки в Иберии и их контакты с туземным миром // ВДИ. 4, 88–196.
- Капозросси Колоньези Л.* 2009: Античный город как город-государство: интерпретация и некоторые проблемы // ВДИ. 4, 27–41.
- Молчанов А.А.* 1997: рец.: *J. Vanschoonwinkel: L'Égée et la Méditerranée Orientale à la fin du IIe millénaire. Temoignages archéologiques et sources écrites.* Louvain-la-Neuve, 1991 // ВДИ. 2, 217–221.
- Berard C.* 1970: Eretria III – L'Heroon a la porte de l'Ouest. Berne.
- Boardman J.* 1964: The Greeks Overseas. Their Early Colonies and Trade. L.
- Bresson A.* 1993 : Les cités grecs et leurs emporia // L'emporion / A. Bresson, P. Rouillard (eds.). P., 163–226.
- Coldstream J.N.* 1988: Early Greek Pottery in Tyre and Cyprus: Some Preliminary Comparisons // Report of the Department of Antiquities Cyprus. P. 35–44.
- Coldstream J.N.* 1998: The First Exchanges between Euboeans and Phoenicians: Who Took the Initiative? // Mediterranean Peoples in Transition: Thirteenth to Early Tenth Centuries B.C. / S. Gitin, A. Mazar, E. Stern (eds.). Jerusalem, 353–360.
- Culican W.* 1966: The First Merchant Venturers. The Ancient Levant in History and Commerce. L.
- Dominguez Monedero A.J.* 1989: La colonización griega en Sicilia. Griegos, indígenas y púnicos en la Sicilia Arcaica: Interacción y aculturación. Oxf.
- Hansen M.H.* 1997: Emporion. A Study of the Use and Meaning of the Term in the Archaic and Classical Periods // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Papers from the Copenhagen Polis Centre 4 / T.H. Nielsen (ed.). Stuttgart, 83–105.
- Pamir H.* 2002: Al Mina and Sabuniye in the Orontes delta // Ancient West and East. 1, 2, 294–314.
- Polanyi K.* 1998: Ports of Trade in Early Societies // The Journal of Economic History. 23, 30–45.
- Re L.* 1998: A Catalog of Aegean Finds in Sardinia // Sardinian and Aegean Chronology: towards the Resolution of Relative and Absolute Dating in the Mediterranean / M.S. Balmuth, R.H. Tykot (eds.). Oxf., 288–290.

В.И. Козловская, А.В. Подосинов

²⁴ Это сокращенный вариант статьи, опубликованной ранее под таким же названием: Pamir 2002, 294–314.